

являются в известной мере отголосками народно-песенного стиля (например: «полетел грозою»; «Днепр... напелясь, закипел»; «дружина храбрая героев... с веселием текла»; «седый Олег шумящей птицей»). Метафоризм народного эпоса особенно ярко проявляется в картине преодоления порогов Днепра дружинниками Олега (строфа IV). Интересно наблюдать, как Рылеев подчиняет некоторые элементы народно-эпического стиля своему методу изображения, стоящему на традиционной линии гражданского классицизма. И ниспровергающий все препятствия оптимизм, и возвеличенный описанием многих победоносных дел образ князя, производящий одностороннее впечатление, — все это подходит к художественной концепции Рылеева. Незапятнанному героическому Олегу, которому киевляне в гордом восторге дали прозвание «Вещего» (строфа XVII), противостоит трусливый и самовластно правящий царь Византии (строфа IX).

Образ Святослава встречается в трех думах Рылеева, но в думе «Ольга при могиле Игоря» и в отрывке «На гордой крутизне берегов» он лишь упоминается. Дума «Святослав» (1821) композиционно построена на противопоставлении двух временных планов — русский гусар стоит у берега Дуная на часах напротив вражеского турецкого лагеря и вспоминает в песне о победоносных битвах Святослава, происшедших на том же месте несколько столетий назад. В песне гусара передаются и подробности летописного рассказа о скромном образе жизни Святослава, и его речи дружинникам:

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,
Земля под войлоком — одром,
А пищею конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет! —
Гремел герой на бранном поле, —
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей».²¹

Героизм Святослава, — так формулирует Рылеев идею своей думы, — переживет время и послужит примером русским воинам грядущих поколений. Дума оканчивается в современности — нападением русских на турок. В духе Святослава гусар бросается в битву:

И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.²²

Типично для этих дум, что Рылеев связал героический образ древнерусских князей Олега и Святослава с классицистической и сентименталистской традициями в революционном романтизме, сохранив при этом определенные народно-эпические элементы.

Кроме Рылеева, к образу Олега в пушкинскую эпоху обращались поэты Н. М. Языков, Е. П. Гребенка и сам Пушкин.²³

В своей балладе «Песнь о вещем Олеге» (1822) Пушкин полностью использует переданные летописью черты героического образа человека,²⁴ но перерабатывает их совершенно иначе, чем Рылеев. Отсутствует какой-

²¹ К. Ф. Рылеев, стр. 80.

²² Там же, стр. 81.

²³ Поскольку и «Олег» Н. М. Языкова (1826) и «Рогдаев пир» Е. П. Гребенки не отличаются высокой художественностью, мы не останавливаемся на этих произведениях.

²⁴ См.: К. А. Немировская, «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание. — Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 76, Л., 1949, стр. 15 сл.